

Это уже неловко. Только-только решили отказаться, как позвонил режиссер съемочной группы. Все-таки это был режиссер столичного телевидения, и Тао Вэй не решилась идти на открытый конфликт. Пришлось отвечать уклончиво:

— Госпожа Шэнь сегодня увидела приглашение от вашей программы, поэтому попросила меня разузнать подробности...

— Понимаю, — Инь Хун, казалось, вовсе не расслышал отказа. Он расхохотался: — Раз госпожа Шэнь сама спросила, мы, как съемочная группа, не будем мелочиться. Давайте так: мы изменим статус госпожи Шэнь с гостя на ведущую. Двенадцать выпусков за сезон, гонорар повышаем до двадцати миллионов, и можете приводить с собой новичков, проблем нет.

Это было... чертовски щедро!

Гонорар подскочил в десять раз одним махом. Просто закидали деньгами! Отлично! Превосходно! Просто замечательно!

Тао Вэй тут же оставила Шэнь Маньцин и отошла в сторону, чтобы обсудить детали с Инь Хуном.

Шэнь Маньцин, глядя на Тао Вэй, вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок. У нее возникло подозрение, что ее сейчас продадут, взвесив по частям! Она не умела ни готовить, ни заниматься сельским хозяйством. В таком месте ее ждет только медленная смерть, иных вариантов она не видела.

Впрочем, Шэнь Маньцин прекрасно понимала, что в наше время деньги зарабатываются нелегко. Такие проекты, как «Арахисовая трансляция», выложившие восемьдесят миллионов за права на премьеру, — огромная редкость. Особенно это касалось популярных развлекательных шоу: большинство из них строились на взаимной выгоде между звездами и продюсерами. За исключением случаев с приглашением суперпопулярных звезд, заоблачных сумм обычно не платили. Даже Цзюнь Синьчжо, участвуя в шоу, получала за весь сезон максимум пятьдесят с лишним миллионов.

Инь Хун предложил двадцать миллионов за двенадцать выпусков, на которые уйдет от силы два-три месяца. Это было сопоставимо с гонораром за съемки в фильме.

Пока Шэнь Маньцин предавалась раздумьям, Тао Вэй с сияющей улыбкой повесила трубку:

— Договорились! Статус изменен на ведущую, двенадцать выпусков, гонорар — двадцать пять миллионов, плюс можно взять двух новичков.

— Значит... в ближайшие несколько месяцев я буду заниматься земледелием?

Шэнь Маньцин была в замешательстве. Она просто хотела поучаствовать в шоу, потанцевать, попеть, посветить лицом, как другие актрисы. Почему все превратилось в полевые работы?

— Нет! Ты будешь не только пахать, но и готовить еду, обеспечивать себя и принимать

приглашенных гостей, — Тао Вэй подробно объяснила суть: — Поскольку программа долго не могла найти ведущую, график сильно сдвинулся. Теперь режиссер решил перейти с сезонного формата на еженедельный. Это значит, что отснятый на неделе материал выйдет в эфир уже на следующей. И каждую неделю будут новые гости... А сможешь ли ты привлечь качественных звезд, чтобы поднять рейтинги, зависит только от того, удастся ли тебе создать яркие моменты.

— ...То есть мне нужно будет превратить грядки в искусство?

Шэнь Маньцин окончательно опешила, а Тао Вэй, напротив, радостно повела ее вниз и громко объявила:

— Девочки! Мальчики! Есть работа!

Услышав эту новость, все, кроме киберспортсменов во главе с У Сюанем, пришли в восторг. Чжоу Яо, Гу Линьсюэ и Ли Муяо даже начали тайком гадать, не получила ли студия роль в каком-нибудь блокбастере.

Даже если не главная роль, засветиться в таком проекте — отличный старт!

Не успели они додумать, как Тао Вэй продолжила:

— Студия приняла решение участвовать в развлекательном шоу. Нас пригласили в качестве ведущих, можно взять двух новичков в помощники. Кто хочет поехать?

Не успела она закончить, как Чжоу Яо, Гу Линьсюэ, Ли Муяо и Су Цзиньцы одновременно подняли руки.

Трое первых думали: конечно, нужно ехать с госпожой Шэнь! Любой шанс показаться на экране ценен, будь то блокбастер или шоу.

Су Цзиньцы же думала: ехать! Обязательно ехать! Разве в сетевых романах не так? Все эти актрисы и дивы влюблялись в главных героев именно во время съемок в шоу или фильмах. Пусть она сама не героиня, а неудачница, попавшая в переплет, но ради того, чтобы однажды разделить постель со своей богиней, нужно стараться!

— Кто из вас умеет готовить? — Тао Вэй мягко бросила первый вызов. На глазах у нее выражение лиц четверых сменилось с восторженного на разочарованное, словно гаснущий фейерверк.

Ли Муяо опустила руку. Чжоу Яо замялся:

— Я... я умею варить лапшу быстрого приготовления.

Шэнь Маньцин впала в отчаяние. Неужели в ближайшие месяцы ей придется питаться одной лапшой? Может, договориться со съемочной группой и нанять повара? Но это же не кулинарное шоу! Вся фишка в том, чтобы зрители посмеялись над тем, как высокомерные и

лощенные звезды справляются с бытом. Группа точно не согласится.

Гу Линьсюэ подняла руку:

— Госпожа Тао, я! Я умею варить куриный суп!

Сердце Шэнь Маньцин немного отлегло. Теперь она смотрела на Гу Линьсюэ как на маленького ангела — ангела, который умеет варить куриный суп! Какая прелесть! Нужно обязательно ее опекать. Если в будущем пригласят на кулинарное шоу, брать только ее!

Су Цзиньцы твердо подняла руку:

— Сычуаньская, кантонская, хунаньская кухни — я владею всеми тремя.

Тетушка Ван, только что закончившая уборку на кухне, в ужасе замерла... Все пропало! Неужели она останется без работы? Кто бы мог подумать, что госпожа Шэнь подпишет контракт с таким мастером кулинарии...

— Кто из вас умеет пахать землю?

Вопрос Тао Вэй повис в тишине.

Гу Линьсюэ невольно опустила руку. Чжоу Яо смотрел на Тао Вэй с недоверием:

— Земледелие?

Он надеялся, что это шутка. Кто из современной молодежи умеет пахать? Да если кто-то смог вырастить дома пару горшков с цветами — это уже достижение.

— Да, в новом шоу эта способность необходима, — Тао Вэй снова обвела всех взглядом. — Даже если не умеете... нужно хотя бы знать, как держать мотыгу...

Мотыгу?

Ту самую мотыгу, о которой пишут в стихах про пот, капающий в землю?

В наше время артисту, чтобы выжить, мало красивого лица, нужно еще и мотыгой владеть?

Чжоу Яо почувствовал, как на сердце стало тяжело. Как городской ребенок, избалованный родителями, как будущий король сцены, который хотел жить только за счет внешности, он мог взять в руки мотыгу?

— А что сажать? — Су Цзиньцы все еще держала руку поднятой. — Я умею выращивать пекинскую капусту и зелень, можно?

Не успела она закончить, как Шэнь Маньцин, устремив взгляд на Су Цзиньцы, твердо сказала:

— Тогда едешь ты!

Тао Вэй с обидой посмотрела на Су Цзиньцы. Она молча размышляла: госпожа ведущая, вы помните, что пришли устраиваться сценаристом? Есть ли что-то, чего вы не умеете, кроме актерской игры? Где вы купили этот чит-код к жизни? Дорого? Можете достать мне десяток?

Однако Тао Вэй не знала, что нынешняя Су Цзиньцы кардинально отличается от той, что мелькала в новостях. Та, прошлая, получала награды за искусство, а эта — даже почерк еще копирует.

...Спешно собравшись за пару дней, подгоняемая съемочной группой, Шэнь Маньцин вместе с Су Цзиньцы и Чжоу Яо наконец отправилась в путь.

Тао Вэй хотела отправить с ней двух ассистентов, но съемочная группа наотрез отказалась. Пришлось взять Чжоу Яо — парень все-таки, если не сможет готовить или пахать, то хотя бы тяжести потаскает.

По плану группы, трое должны были делать вид, что не знакомы, и с разными легендами добираться до лесопарка в пригороде столицы, где должны были пройти три месяца съемок.

Су Цзиньцы с чемоданом прибыла первой. Толкнув каменные ворота, она замерла, любуясь сыхэюанем с белыми стенами и черепичной крышей, пропитанным духом старого Цзяннаня, и с преувеличенным восторгом воскликнула:

— Вау! Какой красивый дом! Я не сплю? Неужели в мире существует такое место, словно из сказки!

Конечно, это не было сном. Дом построили специально для шоу. Расположенный у гор и воды, он был спроектирован мастерами так, чтобы каждый уголок, каждый кирпич и каждое растение выглядели идеально с любого ракурса.

Оператор, следовавший за ней, начал съемку. Помощник режиссера подал знак, требуя больше экспрессии — по сценарию Су Цзиньцы была городским офисным работником, уставшим от шума, и впервые попала в этот райский уголок.

Су Цзиньцы, улыбаясь, продолжила игру:

— Есть кто дома? Ау, кто-нибудь есть?

Внутри никого не оказалось. Но дверь в главный зал была приоткрыта, и оттуда на нее с подозрением смотрела большая кошка, державшая в зубах котенка. Она выглядела так, будто готова была в любую секунду броситься в атаку.

— ...

Помощник режиссера замер, а затем обернулся к ассистенту:

— Разве не говорили, что там будет щенок? Откуда взялись две кошки?

Режиссер Инь Хун любил хаски и привез маленького щенка, чтобы добавить шоу милоты... Как же так вышло?

Су Цзиньцы, не зная об ошибке, решила, что это часть плана, и начала заигрывать с кошками. Но кошка-мать была непреклонна, шипела и пыталась прогнать ее со своей территории.

— Есть тут что-нибудь поесть? — спросила Су Цзиньцы у оператора.

— Есть ветчина.

Она предназначалась для щенка, но раз его нет, пришлось импровизировать:

— Две юаня за палочку.

Су Цзиньцы достала кошелек:

— Дайте одну на пробу.

— Нельзя, — пояснил помощник. — Свои деньги тратить запрещено, только те, что заработаете на шоу.

— И как же мне их заработать? — подыграла она.

— На поле за холмом есть овощи. Когда приедут остальные, вы должны будете собрать их и продать на рынке. Только заработанные трудом деньги можно тратить. Но так как вы первый день, разрешаем взять в долг.

Что?!

Вот это поворот! Они что, всерьез заставляют ее копать картошку? А как же красивые позы с мотыгой для камеры?

Су Цзиньцы почувствовала, что ее обманули. Она начала догадываться, что Тао Вэй скрывает от нее детали — та была известна своей страстью к деньгам и могла даже не предупредить саму Шэнь Маньцин.

Купив ветчину, Су Цзиньцы попыталась покормить кошку, но та, бросив котенка, с яростью бросилась на нее. Су Цзиньцы в испуге отпрянула и выронила лакомство. Кошка схватила еду и, угрожая ворча, запрыгнула на стену, оставив котенка одного.

В этот момент во двор вошел Чжоу Яо.

После взаимных приветствий они начали возиться с котенком, чтобы разрядить обстановку и дать материал для съемок.

Когда все было готово, началась подготовка к появлению Шэнь Маньцин.

В отличие от остальных, ее выход был обставлен с размахом: спонсор предоставил три новейших спорткара.

По команде режиссера три черных автомобиля плавно въехали в ворота и выстроились в форме буквы «пинь».

Водители в черных костюмах и белых перчатках грациозно открыли двери.

Су Цзиньцы и Чжоу Яо стояли у входа, делая вид, что ждут таинственную гостью.

Дверь медленно открылась, и на землю ступила изящная ножка в босоножке на тонкой шпильке. Казалось, она наступила не на землю, а прямо в сердца присутствующих.

Сердце Су Цзиньцы бешено заколотилось. Даже режиссер и операторы затаили дыхание.

Никаких спецэффектов, никакой музыки — но это был самый невероятный выход в истории.

Она словно родилась для объектива. Потрясающе красивая, холодная, величественная, сексуальная.

Она была просто собой. Она была Шэнь Маньцин.

Режиссер Инь Хун протер глаза, понимая: деньги потрачены не зря. Эти двадцать с лишним миллионов стоят того, чтобы увидеть такое. Даже спецэффекты не нужны — она сама по себе ходячий спецэффект.

Су Цзиньцы, прижав руку к груди, едва держалась на ногах. Госпожа Шэнь была такой властной, такой притягательной, что от одного ее вида кружилась голова.

Она вспомнила сценарий и громко воскликнула:

— А!!! Это же госпожа Шэнь! Неужели это она?!

Шэнь Маньцин, прикрыв лицо темными очками, чтобы скрыть усмешку, подумала: «Кто сказал, что у этой девочки нет таланта? Она так искренне кричит, будто мы не виделись две жизни, хотя расстались два часа назад... Но голос слишком громкий, мне бы наушники...»

По сценарию Су Цзиньцы была уставшим от города клерком, Чжоу Яо — загадочным парнем, а Шэнь Маньцин — самой собой, кинодивой, которая вместе с гостями будет проводить время в этом «простом и прекрасном» месте.

<http://bllate.org/book/18850/1838091>